

эти тѣлеса и то, что ребенка своего Маланья „выпечатала въ гуртовщика“. Не оскорбителенъ толстовскій натурализмъ, и въ пламени искусства очищается все грубое, опять показываетъ свою первоначальную основу и красоту.

Натурализмъ и въ самомъ Толстомъ спасаетъ красоту — спасаетъ ее отъ него самого, отъ всякихъ погубеній тенденціозности. Природа — палладіумъ искусства, и въ художникѣ находитъ она свое преимущественное воплощеніе и больше всего разсчитываетъ какъ разъ на него; они другъ друга понимаютъ. Художникъ — намѣстникъ природы. Вотъ почему Толстой, всѣми фибрами, всѣми корнями своего духа въ ней пребывающій, сколько бы онъ ни старался, не можетъ своей эстетики избыть — природа его ни за что не уступитъ, не отдастъ разсудочности. И пусть онъ поучаетъ, — все-таки получится не нотация въ лицахъ, а живая красота. Онъ хочетъ меньшаго, а достигаетъ большаго.

Во второмъ вариантѣ той, къ несчастію, неоконченной повѣсти, которой Толстой, новый Лиръ, далъ названіе „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“, повидимому, такъ неприкровенно-тенденціозно, прямыми линиями, рисуется антитеза между бариномъ Александромъ Ивановичемъ и крестьяниномъ Митріемъ Судариковымъ. Тщательный и утонченный туалетъ перваго, его утро въ столовой, гдѣ кипитъ и блеститъ „серебряный или серебрянаго вида самоваръ“, его панна въ двадцать рублей и трость въ пятьдесятъ